

«Безутешные» родственники

*Так же всячески должно избегать осуждения других.
Не осуждением, а молчанием сохраняется мир душевный.*

Наставление святых отцов
прп. Серафима Саровского и св. Феофана-затворника

Удивительно, но в специальном помещении при морге, где проходило отпевание и прощание для тех, кого родственники не могли или не хотели забирать домой, собралось мало народу, хотя покойный Николай Иванович Синицын был на редкость общительным человеком. Его сын Игорь Николаевич пришёл проститься с отцом один. Жена отдыхала в далёких краях, и он посчитал, что сообщать ей о печальном событии, а тем более прерывать отпуск, не имело смысла, тем более, что и родственных чувств ни она, ни покойный друг к другу не испытывали.

Николай Иванович болел давно и поэтому к смерти готовился основательно. Врачи предлагали ему сделать операцию, но три причины не позволили больному согласиться.

Во-первых, он боялся наркоза, во-вторых, операция касалась особо важного органа — сердца, а третьей и самой весомой причиной, которая перевесила две остальные, оказались деньги.

Марья Васильевна, новая жена отца, выслушав в очередной раз доводы сына Николая Ивановича о необходимости операции, вздохнула:

— Игорь, но что поделать, сколько Бог отмерил, столько и проживём. А то может так статья, что мы деньги собирали-собирали, заплатим врачам, а окажется всё впустую. Они же никогда ничего не гарантируют.

Человек, выросший в деревне, мыслит основательно.

Сын, которого Николай Иванович вновь обрёл спустя тридцать лет после развода с его матерью, не считал себя вправе настаивать на чём-либо.

Отец последний год суетился, всё переживал, что ничего не может оставить сыну. Каждый разговор с женой на тему о наследстве заканчивался приступами боли у него и угрозами развода с её стороны. И, обладая характером слабым и беспомощным, он советовал сыну после его смерти обратиться в суд для раздела имущества. Писать завещание он почему-то упорно не хотел — боялся гнева Марьи Васильевны. А там, в могиле, смеялся он, ему уже ничего не будет страшно.

— Ты же знаешь, у Юли-то сынок больным уродился, да и мать у бедняжки недавно умерла, вот тётя Маша по-женски и печётся о племяннице. Денег на лечение-то много требуется, а ты у меня — орёл. Сам всего добьёшься, — вытирал отец слёзы в разговоре с сыном.

Ближе к старости Николай Иванович стал очень сентиментален — плакал по любому поводу.

Орёл так орёл. Наследство — дело скользкое.

Теперь тело отца везли на старом военном грузовике, а малочисленные родственники: сын, брат отца Леонид Иванович, приехавший из Винницы вместе с супругой Татьяной, Марья Васильевна, Юлия с мужем и ещё несколько человек, которых Игорь Николаевич видел впервые, — разместились в автобусе, который, дребезжа старыми рессорами, добросовестно подпрыгивал на малейшей выбоине и наполнял салон выхлопными газами.

Стоял тёплый солнечный день. Окна автобуса, не закрывавшиеся по техническим причинам, позволяли дышать пылью дороги и свежескошенной по её откосам травой.

Никто не разговаривал, только сзади слышался тихий шёпот Марьи Васильевны и Юлии.

— Военкомат предлагал организовать похороны, ну, чтоб с воинскими почестями, салютом, солдат прислать, но я решила взять деньгами. Николаша всегда против транжирства был.

Потом она стала подсчитывать, сколько теперь получит за мужа пенсии и получит ли, так как он, увы, не дотянул несколько дней до полного её начисления.

Игорь Николаевич перестал прислушиваться к разговору женщин и стал смотреть в окно. Автобус ехал по кольцевой дороге. Уже давно остались позади башенные краны, вечные спутники новостроек, когда автобус свернул на просёлочную дорогу с недавно залитым асфальтом.

— А куда это мы едем? — обратился к Игорю дядя Лёня, худенький мужчина с испуганными карими глазами на осунувшемся от дальней дороги и горя лице.

Тот пожал плечами.

— Не знаю. Марья Васильевна всё организовывала.

Леонид Иванович фыркнул и с неопределённой интонацией протянул:

— Поня-ятно...

Прошло полчаса, когда, натужно фыркнув, автобус остановился.

Кладбище, по-видимому, было открыто недавно: могилы, в основном свежие, заваленные венками и цветами, стояли без надгробий, и только вдалеке около забора виднелись кое-где установленные памятники.

Все собрались около гроба, и началось прощание. Марья Васильевна вздрогнула и, запричитав, начала гладить руки супруга.

Внимание Игоря Николаевича привлекла другая похоронная процессия, где вдалеке, кроме двух рабочих, опускавших небольшой гроб в могилу, стоял мужчина среднего возраста, без конца отирающий платком голову.

«Ни цветов, ни музыки, почти как у нас», — промелькнуло в голове Игоря Николаевича.

— Социальные похороны, — шепнул ему на ухо муж Юлии. — Зарыли, и славу богу.

Один из гробовщиков кашлянул, и Марья Васильевна, моментально успокоившись, отошла к племяннице.

По крышке гроба застучали первые комья земли.

— Понятно, — громко сказал Леонид.

— Что тебе, рохля, понятно? — спросила его супруга, женщина грубоватая — сказывался многолетний стаж работника торговли на овощной базе, а её рост (она была выше мужа и крупнее — как говорится, здоровая) давал Татьяне непререкаемое лидерство в семье.

— Понятно, что всё экономите. Похоронили как собаку, без почестей и музыки, так ещё и завезли в тьмутаракань, чтобы на могилку не ездить. Всё вам тяжело, всё болеете, а сами кого угодно переживёте.

— Как тебе не стыдно, Леонид? — с упрёком сказала вдова. — Николай сам не хотел пышности.

— Больно ты знаешь, что он хотел! Все вы змеюки, — дядя Лёня заплакал. Он очень любил брата.

— Машенька, не обращай внимания на этого идиота, — Татьяна со злостью дёрнула мужа за рукав пиджака.

В кафе, где были заказаны поминки, ждали ещё несколько человек: две женщины и пятеро мужчин. Это были знакомые и друзья отца, которые приехали из его родной деревни. Они сокрушались, что поздно получили телеграмму. Охламон почтальон доставил её вечером, когда автобусы уже не ходили и попасть на кладбище проститься с Николаем не представлялось никакой возможности.

Увидав их, дядя Лёня расцвёл и примостился между двумя односельчанками.

Выпили по рюмочке, потом по другой. Марья Васильевна зорко следила, чтобы гости хорошо закусывали, а Татьяна не спускала взора с мужа, который тихонько беседовал с соседкой слева.

Игорь Николаевич, сидя рядом с Марьей Васильевной, услышал шёпот Татьяны, сидевшей от той по другую сторону:

— Ты зачем Надежду пригласила? Это ж первая любовь Лёньки!

— Я никого не приглашала, — также шёпотом ответила Марья Васильевна. — Я просто послала в деревню телеграмму о смерти Николая, и кто захотел, тот приехал.

— Ещё бы, упустила бы она такой случай, — фыркнула жена Леонида Ивановича. — Заявилась.

Когда подняли очередную рюмку, Татьяна, не выдержав, рявкнула:

— Леонид, поставь немедленно рюмку, тебе уже хватит, а тебе, Надежда, стыдно ему всё время подливать.

Ни Леонид Иванович, ни Надежда даже не взглянули в её сторону. Мужчина лихо опрокинул стопочку, и женщина тотчас наполнила её до краёв.

— Надька, ты что за представление здесь устраиваешь? — уже почти кричала свояченица Марья Васильевна.

А та, не обращая на Татьяну внимания, говорила соседу:

— Зачем ты, Лёнька, из деревни уехал? Чтобы так себе жизнь испортить? Ты же помнишь, как я тебя любила, как мы с тобой гуляли, какой ты красивый был! А сейчас? Истерзала она тебя злобой ненасытной. Поедем, Лёня, домой, до нашей деревни. По грибы будем ходить, по

ягоды. Ты же любишь варенье с чаем? А я тебя жалеть буду, — с нежностью говорила Надежда.

За столом стало тихо.

— Надежда, ты в своём уме? Что ты себе позволяешь? — не выдержала Марья Васильевна.

— Нахалка! — отчеканила жена Леонида Ивановича, которая как-то внезапно очутилась около разделочницы и, подняв мужа со стула за ворот пиджака, тянула к своему месту. Тот пьяненько похихикивал.

Надежда махнула рукой и сникла. Её соседка предложила:

— А давайте споём любимую песню Николая?

— Давай, давай, — подхватила Юля, — дядя Коля так любил, когда у него в гостях пели и веселились, и сейчас чувствуется, словно он среди нас.

И она звонким голосом завела «Калину красную».

— Всё же какая она умница! — обратилась Марья Васильевна к Игорю.

— Да, — не стал возражать тот. — Но, Марья Васильевна, мне пора.

— Что так рано? Может, что не так? — заволновалась вдова.

— Всё нормально, — успокоил он её. — Просто на работе горит срочный заказ. Вы же знаете, что похороны, как они ни ожидаемы, всегда неожиданны, как ты ни планируй.

— Ну да, ну да, но ты звони, приходи. Я буду рада.

— Обязательно, — он поцеловал ей руку.

Прошло два года, как ушёл из жизни Николай Иванович, но ни его вдова, ни сын так ни разу и не позвонили другу другу...

Классики

Это повествование можно было бы начать со строк «...Корабль под названием “Волжская звезда” разрезал носом тёмные воды самой знаменитой русской реки. Мимо проплывали пологие и обрывистые песчаные берега, маленькие острова, а ночной воздух пьянил запахом ила, воды и мазута...». Всё это так, но о красотах волжских берегов напишем позже, а поначалу покажем несколько действующих лиц,

которые по воле тщеславия или воспользовавшись услугами специальных предложений пароходства, оказались на корабле.

1

...— Я тебе дело говорю, — твердил Ильин приятелю Андрею Скороходу, когда друзья встретились в кафе за чашкой капучино. Алёха Ильин хотел заинтересовать Скорохода одной интереснейшей историей.

Максим потянулся и, откинувшись на спинку офисного кресла, крутанулся и отъехал от компьютерного столика.

За окном только-только стала бледнеть чёрная ночь. Звёзд уже не было видно, и лишь тонкий серп луны ещё отчетливо красовался на небе.

В доме тишина, все спят.

Максим Максимов любил вот такие часы — от полуночи до рассвета. Потому что именно ночью к нему приходило вдохновение, а потом медленно угасало, растворяясь в предрассветной утренней зорьке.

Крошечный двухэтажный домик на небольшом клочке земли был зажат с двух сторон гигантскими особняками. Коробки из красного кирпича поглощали всё пространство и возвышались с двух сторон маленького домика, словно башни, оставшиеся от замка, который внезапно волшебным образом исчез.

Соседи почти не появлялись, так как статус дачного посёлка ближнего Подмоскovie многие из них сменили на статус жителей коттеджного посёлка клубного типа.

Три корабельные сосны, возвышающиеся на одном из соседних участков, частенько по утрам шумели лохматыми лапами, да ленивый лай собак и шум мотора редко проезжающей мимо машины тревожили покой обитателей маленького теремка.

Максимов с самого детства мечтал стать сыщиком, поэтому после окончания школы поступил на юридический факультет и уже на третьем курсе проходил практику в органах МВД. В отделе ему поручили несколько мелких дел, находившихся в производстве, и, прикоснувшись к мерзости и грязи другого бытия, молодой человек поначалу ощутил отвращение к розыскной деятельности, а потом ему на смену пришло другое чувство, чувство полного превосходства над другим человеком. Какой бы силой духа ни обладал вызываемый в стены карательного

учреждения, у человека всегда возникает ощущение неуверенности и тревоги.

Поначалу Максиму приходилось тяжело, потому что он не умел работать в команде. У него всегда имелось личное мнение не только о жизненных ситуациях, но даже и об общепринятых законах и догмах юриспруденции, и молодой Максим Анатольевич убеждений никогда не менял, даже несмотря на очевидные факты и доводы. С такими жизненными установками, когда мнение индивидуума идёт вразрез с установленными законами, невозможно работать в системе правосудия, но молодой сотрудник старался. Да к тому же за короткое время работы в органах после получения диплома Максимов успел столкнуться с не лучшими представителями человечества, и эти представители смогли убедить его в том, что люди в основной массе — дерьмо и уважать их не за что. И поэтому трагедия, которая круто изменила его жизнь, произошла с ним не случайно, а закономерно.

Он избил подозреваемого, избил жестоко и беспощадно.

В деле были все факты: и продажа наркотиков, и сутенёрство, но потом, как иногда случается, подозреваемый оказался свидетелем. Тогда ещё в милиции оставались сотрудники, которые превыше всего чтити уголовный кодекс (избиение подозреваемого было вопиющим безобразием), поэтому, а может, и по причине его трудных взаимоотношений с коллегами, Максиму предложили написать рапорт.

Оставив службу, Максим пошёл работать на фирму, специализирующуюся на оказании юридических услуг. Работа была денежная, ибо, когда все кинулись заниматься коммерцией, фирмы и фирмочки, общества с ограниченной ответственностью и без неё создавались, закрывались, банкротились в невероятных количествах, и, естественно, «сильные» услуги требовалась ежеминутно: днём и ночью, в зависимости от специфики деятельности того или иного юридического лица.

Он не был женат, поэтому жизнь его проходила в безграничной череде счастливых дней. В те годы денежные знаки появлялись в кошельках как у него, так и у многих его соотечественников в невероятных количествах, надо только уметь чуть-чуть шевелить мозгами и общаться с нужными людьми. Однако подлость мироздания и состоит в том, чтобы не дать человеку жить долго и счастливо!

Как учит экономика, за перепроизводством всегда наступает кризис. Это как в любви. Где пылают большие страсти, там быстрее приходит пресыщение, и, как писали в старину, «...на месте костра осталось одно пепелище».

Огромный город, где в основном и сосредоточились финансовые потоки большой страны, долго не хотел сдаваться перед чудищем перемен.

Первыми стали терять работу многочисленные юридические и охранные предприятия. Счета обнулялись, деньги снимали или переводили в офшорные зоны. Фирмы закрывались, сотрудников сокращали.

Наступил конец и процветанию Максима, хотя они с партнёром ещё пытались продержаться какое-то время, но привычные траты стали несопоставимы с получаемыми доходами, поэтому через полгода компаньоны, разделив поровну наличный капитал, сдали ключи от офиса арендодателю, пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

Максим не спешил на поиски нового заработка, так как в сложившейся ситуации это было бессмысленно. С голоду он не умирал и стал анализировать, где можно заработать деньги, большие деньги... и Максимов решил стать писателем.

Максим Анатольевич Максимов с детства увлекался фантастикой и историей, и в какой-то миг его осенило: а не объединить ли этих двух капризных дамочек? И, поразмыслив некоторое время, Максим Максимов приступил к творческому процессу. Он сел писать роман о заговорщиках, которые, зная о покушении на эрцгерцога Фердинанда, предотвратили убийство, и мир пошёл по другому пути. Глобальный замысел? Может, и да, но мелочиться было не в натуре начинающего романиста.

2

Главному редактору издательства «Луч» Римме Яковлевне было далеко за пятьдесят, и это внушало доверие: не новичок в деле, профессионал. Круглые очки на крупном носу смотрелись элегантно и многозначительно, хотя за слегка затемнёнными стёклами собеседник не всегда мог уловить выражение её глаз.

Римма Яковлевна была женщина полноватая, с короткой седой стрижкой и ухоженными маленькими руками. А Максимова полные

женщины почему-то располагали к себе. Может, оттого, что те стройняшки, с которыми он проводил романтические часы, на поверку оказывались особами крикливыми и чересчур энергичными, а это, знаете ли, очень утомляет, особенно, когда хочешь жить без обязательств и без учёта мнения другого человека. Молодой человек считал, что если мужчина дарит партнёрше удовольствие в физической близости, то и в плане материальных благ они равны. Эмансипированные особы должны идти по избранному пути до конца: покупать себе шубы, бусики, колечки, дома и пароходы. Он не умел любить, может, оттого, что был безгранично жаден?

Максим оставил рукопись, условившись созвониться с Риммой Яковлевной через неделю.

— Работы невпроворот, — пожаловалась главный редактор, — несут и несут. Прямо не знаешь, радоваться ли тому, что в стране была обязательная всеобщая грамотность или нет? Да и барды в своё время запудрили мозги девчонкам, попевая лирические песенки у костров. Вот теперь их детёныши кто в прозу ударился, а кто в стихоплётство. Поверьте, Максим, очень трудно в наше время повального увлечения бумагомаранием отыскать настоящее сокровище. И чтобы вы понапрасну не тратили деньги, я, как человек порядочный, постараюсь как можно быстрее определиться и сказать, стоит ли вам писать или надо будет расстаться с этой прихотью навсегда. Но только без обид.

Максим ехал домой во взбудораженном состоянии. Внутри него то всё замирало, то начинало звенеть холодноватыми льдинками.

Время было вечернее, и машины встали в сторону области намертво. Но сегодня не раздражало даже это.

Он решил пока ничего никому не рассказывать, а вдруг редактор позвонит и скажет, что он бездарь! И что потом? Самого себя на смех поднимать? Нет, этот вариант не для него.

А внутренний голос ворковал: «Всё будет хорошо. Кто ещё мог написать такое? Ведь не каждый будет тратить столько личного времени, чтобы найти в интернете все данные по Балканам. Пишут только о метаниях своей души, а в этой области обладать энциклопедическими знаниями не надо».

Когда Максимов добрался наконец до дома, родители спали.

«Ну вот, и говорить-то некому», — подумалось ему, и на душе стало пусто и тоскливо.

Есть не хотелось, поэтому он сразу тихонько поднялся на второй этаж и, закрыв дверь в кабинете, включил компьютер.

Но голова звенело пустотой, и Максим, промаявшись недолго, постелил на диване и вскоре уснул.

А утром... позвонила Римма Яковлевна.

— Максим, добрый день! Вы меня удивили! Вашу рукопись я прочла на одном дыхании. Я просто предчувствую колоссальный успех. Не вправе советовать, я только замечу. Вам не стоит печатать маленький тираж. Две-три тысячи, я думаю, разойдутся мгновенно, и не только окупят ваши затраты с лихвой, но и принесут прибыль. Вы не торопитесь — всё обдумайте, взвесьте, а я завтра жду вас к двенадцати часам для заключения договора.

Максимов почувствовал восторг. Неопишуемый восторг, радость и счастье одновременно.

3

Николай умер неожиданно, во сне. Было ему тридцать шесть лет, и на здоровье он не жаловался. А вот такое горе. Врач, который приехал констатировать смерть, сказал, что, увы, сейчас очень много молодых мужчин умирают от остановки сердца. Без всяких предпосылок и причин.

— Жизнь такая, — вздохнул врач, сам недавний выпускник медицинского вуза. — Стрессы, экология, да и вообще, одна нервозность кругом.

Егор Петрович с тревогой посматривал на жену Надюшу. Ведь Николаша был её единственным сыном от первого брака. И её материнское горе нельзя было облегчить ничем. Надежда как застыла, так ни на что и ни на кого не обращала внимания. Когда привезли гроб, обмыли и положили туда Николая, она все дни просидела возле сына, не сводя с его лица провалившихся сухих глаз. Как будто впитывала родные черты, чтобы запомнить их навсегда.

Не заплакала она и на кладбище, когда застучали молотки о крышку гроба, ни за поминальным столом, ни на третий, ни на сороковой день, ни спустя год.

Егор Петрович был поэтом, и, надо признать, хорошим поэтом. Ему нужны были новые эмоции, вдохновение, общение с людьми и даже, извините, встречи с друзьями-посиделкиными за бутылкой водки и умными разговорами о несовершенстве мира и никудышном руководстве страны.

А что было делать в этой ситуации? Понятно, материнское горе бесконечно, но он же живой человек! Да и к пятидесяти годам он не знал чувства отцовства, потому что никогда не стремился иметь детей. Быт и поэзия — вещи взаимоисключающие! Душа — тонкая материя для производства счастья, даже пусть это счастье заключается в маленьких радостях — рыбалке, выпивке и солнечных ваннах под шум волн или ветра. А тут бесконечная чёрная тоска. И для Егора Петровича, как лучик радости, поздним вечером раздался звонок из Москвы.

— Егорушка, как ты там? Сочувствую и разделяю, хотя словами нельзя ничего выразить, — ласково ворковала на другом конце провода Римма.

Егор Петрович вяло поддакивал, ибо в таких ситуациях каждому нечего сказать — и тому, кто утешает, и тому, кто слушает — ритуал вежливости.

— Егорушка, голубчик, я тебя приглашаю на литературные встречи. Тебе всё бесплатно. У нас есть кому платить за маститых авторов. Начинающие. А мы им должны дать уроки мастерства. Как-нибудь доберись до Москвы, а от неё и поплывём. Будем разговаривать, мечтать, как в далёкие времена в нашей литературной общаге.

Егор Петрович промучился несколько дней — как сообщить жене, что он устал, устал невыносимо. У него всё время в груди словно находится тяжёлый камень, который своей глыбостью давит не только на душу, но и на мысли. Писал он еле-еле. Да о чём говорить? Он правил старые тексты и отправлял их в журналы. Не мог поэт подвести друзей-редакторов.

Как-то за ужином Надежда сказала:

— Егор, тебе не обязательно быть со мной и скорбеть. Езжай куда-нибудь, отдохни, иначе ты свой дар потеряешь. Не возражай. Я знаю, что ты порядочный человек. Но я хочу побыть одна. Не для того чтобы тосковать, а просто мне тяжело даже разговаривать. А к твоему

возвращению, может, меня немного отпустит. Прошу тебя, пойми меня правильно.

Егор Петрович всю ночь просидел у окна, выкуривая одну папироску за другой, а к утру он пришёл к выводу — жена права. Он очень устал. Поэтому ближе к обеду поэт Колосин позвонил Римме Яковлевне и подтвердил своё участие в литературном фестивале.

4

Мила Ивановна Димитрова, майор полиции в отставке, а нынче адвокат одной из многочисленных юридических контор столицы, попала на корабль «Волжская звезда» исключительно благодаря подруге Анне Коробковой — детской писательнице. И ей было всё очень любопытно. Во-первых, она никогда не плавала на круизном корабле, а во-вторых, оказалась в среде литературных гениев! Столько интересного Мила Ивановна узнавала о культурной жизни страны — все представители литературного мира обожали застольные разговоры.

Но оказывается не столь радужным обещало быть данное путешествие.

На второй день, нежась под тёплым солнышком, Мила Ивановна услышала голос своей подруги Анны.

— Что будем делать? — Вопрос относился к критику Стелле Стерновой.

Они расположились дружелюбной троицей на верхней палубе, полулёжа в шезлонгах.

— Не знаю. Читать просто невозможно. Это зря тратить своё жизненное время.

— Вот ты, значит, вечером встанешь и при всех скажешь, что сюжет не выдерживает никакой критики, что таких историй пруд пруди, а текст — сплошное графоманство? — сказала Анна и повторила свой вопрос. — Так что будем делать?

— Что другие будут говорить, то и мы, — наконец ответила Стелла.

— Правильно решили девочки. Зачем человека обижать? Притом он стол накрывает и даже шампанское купил. — К ним подошёл Егор Петрович, держа в одной руке удочку, а в другой — ведёрко.

Стелла сняла очки и вскинула глаза на мужчину.

— Тебе, Колосин, только бы выпить!

Тот пожал плечами.

— А чем ещё заняться в обществе прекрасных дам? Да и самородок этот как-никак оплатил моё путешествие, так зачем его обижать? Ну хочется человеку бумагу марать — пусть. Никому же не возбраняется.

— Вот вы все такие. Вам лишь бы своё пропихивать. А то, что вся литература, весь интернет загажен непонятной писаниной, вас не кольшет?

— Стелла, не заводись, — пожал плечами поэт. — Тебе-то чего? Ты же паразит на нашем теле, должна нас лелеять. Не будет нас — откуда ты хлеб возьмёшь?

— Оттуда! Откуда надо возьму. Ты хоть прочитал его повесть? Знаешь, о чём будешь-то говорить?

— Да плевать! Сначала Римму послушаю, потом тебя, опосля и выступлю. Уж соображу что-либо сказать.

— Кто тут моё имя всуе поминает? — к ним, тяжело дыша, подошла Римма Яковлевна.

— Да вот, дискутируем насчёт сегодняшнего вечера, — ответила Анна.

— Риммусик, позволь ручку, — склонился в поклоне Егор Петрович.

— Перестань ёрничать, Егор. И без тебя тошно. И приключилась же такая жарница! А тут ещё надо проводить мероприятия. Надо же отчитаться, как мы тут организовали литературные чтения и открыли новые дарования. Поэтому, друзья мои, прошу вас, будьте посерьёзнее. Да, Аннушка, вам завтра выступить. А ты, Стелла, будешь послезавтра с Рябушкиной. Это наш поэт из Калининграда. Так что почитай её опусы на досуге.

— Так поэт, поэтесса или поэтка? — воскликнул Егор. — Я что-то не пойму.

— А тебе и не надо понимать. Ты же поэт, а дамы сами как-нибудь разберутся. — Устало отмахнулся от него организатор мероприятий.

Мила Ивановна с удовольствием слушала этот разговор.

«Удивительно, — думала она, — какую сферу деятельности человека ни возьми, а страсти и амбиции у всех одинаковые».

Уже в каюте, собираясь на вечернее заседание, Аннушка ворчала:

— Ну почему даже за отдых надо расплачиваться своими принципами и силами!

— Что ты заводисься? — стала урезонивать приятельницу Мила Ивановна. — Скажи пару слов, и всё.

— Не могу. Воспитание не позволяет.

Анна Афанасьевна была в чём-то права. Сама она имела прекрасное филологическое образование и сочиняла прелестные детские истории в стихах. Также писала рецензии на книги отечественных и зарубежных авторов. Поэтому Мила Ивановна где-то понимала утончённую натуру подруги и решила больше её не раззадоривать.

Но к её удивлению вечер прошёл спокойно. Просто Мила Ивановна была новичком в данном сообществе, где критика ещё ничего не значила в оценке произведения. Шедевр могли хвалить вяло, а посредственность превозносить до небес. Всё зависело от того, кто автор и кто спонсор.

Все хвалили Максимова, но в меру, чуть-чуть журили, а потом с воодушевлением читали свои произведения.

Выделялись поэты. Их было не остановить. Ведь прозаику тяжело подобрать материал, который бы публике не скучно было слушать. А поэту что? Сложил руки на груди, пошевелил губами, взывая в памяти благозвучные строки, и вуаля — все слушают.

Особенно отличился Егор Петрович. Сказалось долгое отсутствие внимания к его персоне. В общем, он превратил вечер начинающего романиста в вечер маститого поэта.

Но никто и не заметил в этом ничего необычного. Уж больно щедрым оказался Максим Максимов — шампанское лилось рекой.

После нескольких вечеров Мила Ивановна поняла, что на корабле собрались разные по статусу литераторы. Были и довольно успешные и не очень, а были и такие, которые выпустили по одной книге и то за свой счёт. Также в этой компании находилось несколько издателей литературных журналов, лелеявших надежду заприметить что-нибудь интересное в начинающих или договориться со старыми знакомыми о новых публикациях.

Но в основном все были приятны в общении. Было интересно не только вести с ними беседы, но и слушать их произведения.

Да и погода выдалась на удивление чудесная.

Пароход частенько делал остановки, и литературная братия в полном составе отправлялась кто купаться, кто ловить рыбу.

Максим парил! Он завёл столько знакомств, что теперь точно можно было рассчитывать на связи и поддержку. А со своим талантом он скоро станет известен. Гонорары так и посыплются от всех издательств. Всё не зря делается в этом мире. Какая умная Римма Яковлевна! Не зря он столько денег потратил — всё окупится с лихвой!

Почти на сутки «Волжская звезда» бросила якорь в порту Саратова. Женщины и мужчины прошлись по магазинам, только интерес к ассортименту у каждого из них был разным. Единственное, что объединяло их, — покупка арбузов.

В Поволжье эта ягода всегда славилась исключительной сочностью и сахаристостью.

Все дамы решили сесть на однодневную арбузную диету.

— Бабы всегда дурью маются, хоть на отдыхе, хоть на работе! Такая у них противоречивая натура, — заметил поэт-футурист Гриша Гельдман.

Был он маленький, худосочный, но когда начинал читать свои стихи, голос его звучал громогласно, а чёрные маленькие глаза загорались изнутри яростным светом.

Миле Ивановне нравилось, как Гельдман читал свои стихи, чётко и громко, и они были неплохи, но она не очень любила авангард. Женщина предпочитала классику во всём, в том числе и в литературе.

— Всё же я понимаю, нас, женщин, за что мы любим поэтов! — как-то прошептала ей на ухо госпожа Стернова, пока Гриша читал свою поэму. — В обычной жизни пройдёшь мимо него и головы не повернёшь, а здесь поди ты! А возьми Егора Петровича — облезлая дылда с перебитым носом, а как переливчат в стихах о любви. Девки так и тают, а он то женится, то разводится. Но всё время пребывает в состоянии влюблённости. Вдохновляется благодаря женскому полу.

Наконец поздно вечером корабль отошёл от причала. Вся литературная братия высыпала на палубу. Саратов сверкал огнями, затмевая многочисленной неоновой подсветкой сияние звёзд. За бортом серебрилась вода, и вдалеке от противоположного берега искрилась лунная дорожка.

«Удивительно, — думала Мила Ивановна, — как завораживает красота природы».

Она оглядела присутствующих. Все расположились небольшими компаниями — по три-пять человек. Кто курил, кто пил пиво или вино, но все о чём-то оживлённо беседовали.

«Что-то тихо сидим», — промелькнуло в голове женщины.

Сказывалось отсутствие Егора Петровича. Никто более не провоцировал на политические и поэтические споры.

Засиделись далеко за полночь и расходиться стали ещё и оттого, что с реки потянуло холодной сыростью.

Поэтому приятельницы очень удивились, когда к ним постучались в дверь в начале девятого. Никто не собирался на завтрак, и оттого никто и не пошевелился.

Но стук продолжался, и Анна подошла к двери.

В каюту вошла Римма Яковлевна.

— Девочки, пардон! Разбудила? Простите, простите, но пора вставать. Я вот по какому вопросу. Сегодня в одиннадцать должно состояться утреннее заседание, а я нигде не могу найти Колосина. Нет его нигде! Ни в его каюте, ни на палубе. Я уже всех обежала. Пропал! Не дай бог, если за борт свалился, старый пьяница.

— Успокойся, — сказала Анна, гуманный детский автор, — для самоубийцы он слишком жизнерадостным ходил, а во избежание несчастного случая у пьяниц свой ангел-хранитель имеется.

— Дайте водички, — попросила Римма Яковлевна.

Выпив залпом воду, она призадумалась.

— Надо кем-то заменить. Может, опять Максимова попросить выступить?

— Нет, только не его, — замахала руками Анна. — Второй раз я не выдержу его заштампованности. Попроси Гришу и Стеллу. Он почитает, а та его покритикует. Они и собеседники интересные.

— Ты права, Аннушка, так и поступим. Вы уж придите, а то последнее время как-то массовость упала.

После ухода неожиданной гости Мила Ивановна стала размышлять. Если ты научился кататься на коньках, то это на всю жизнь, а если у тебя призвание быть следователем, то оно останется с тобой и в отставке.

Сначала она решила просмотреть все записи с видеоканера. Капитан корабля был недоволен происходящим и не скрывал этого. Что ни думай, а это ЧП! Канера было не так много, и материал удалось просмотреть

быстро. Как и подсказывала интуиция бывшего следователя, ничего интересного не нашлось. Иногда то тут, то там мелькала физиономия одарённого поэта, но она отражала лишь его весёлое расположение духа.

Тогда Мила Ивановна направилась вместе с Риммой Яковлевной в каюту исчезнувшего гражданина Колосина. Увы, там не нашлось ни одной вещи Егора Петровича.

И появилось даже ощущение, что в каюте никто и не проживал.

— Римма Яковлевна, может, он вам звонил, а вы не услышали?

— Что вы, дорогая! Я уже сто раз проверила все звонки: и входящие, и выходящие, и какие там ещё есть! Ничего нет от этого мерзавца — ни звонков, ни смс!

— Может, где записка лежит? — предположила госпожа Димитрова.

Но поиски ничего не дали. Проза была, по-видимому, нелюбима Егором Петровичем.

После обеда все участники литературных чтений собрались на верхней палубе и стали припоминать, когда, где и с кем видели в последний раз пропавшего Колосина.

— А вы не заметили, — держа в руках тонкую сигарету, — как Егор в последние дни крутился вокруг одной официантки? — задумчиво протянул Гриша Гельдман. — Не единожды норовил ей ручку облобызать.

— Точно! — встрепенулась критик Стернова. — Чёрненькая такая, полноватенькая? Да и её я сегодня тоже не видела.

— Так я пойду и расспрошу обо всём капитана! — вскочила с места Римма Яковлевна.

— Не надо, Римма, — усталым голосом сказала Анна Коробкова, — пускай Мила ходит. У неё есть опыт как лучше и деликатнее расспрашивать и выведывать.

Через час после разговора с барменом из кают-компании недоразумение, происшедшее на корабле, было разрешено.

В то утро, когда «Волжская звезда» подходила к Саратову, официантка Галина Шмелёва неожиданно попросила расчёт по состоянию здоровья и ближе к обеду покинула корабль в сопровождении какого-то долговязого мужчины. И так она торопилась, что даже отказалась от денег за работу.

Выслушав рассказ Милы Ивановны, поэтесса Рябушкина вздохнула:

— Только любовь может быть так бескорыстна.

Гриша Гельдман посмотрел на неё с интересом.

— Старый проказник нашёл новую музу, — засмеялась Римма Яковлевна и тут же погрузилась. — А как же Надежда? Как она теперь одна-то будет?

Через день корабль пришвартовался у причала в Москве.

Участники литературного фестиваля распрощались, расселись по такси и разъехались по своим адресам.

И то ли в суматохе, то ли от безразличия никто не заметил отсутствия прозаика Максима Максимова. У каждого свои причуды! Может, его впечатлил поступок поэта и он, возможно, нашёл свою Музу?

А может, он решился стать вечным странником? Ведь никто ему так и не ответил прямо на вопрос, стоит ему писать или нет. Может, Максим в лице многих и многих литераторов найдёт ответ среди тех, кто всю жизнь странствует по миру в поисках правды и истины и точно знает ответ, кто такой писатель?

Как знать, как знать...